

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродно человеку, и просвещенному и дикому. На славных играх Олимпийских

умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят Историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней Героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены Вере и Деесписанию; омраченный густой сению невежества, народ с жадностью внимал сказаниям Летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созида Царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая История, даже и искусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. Истинный Космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии,

в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками и немые предметы — красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной Державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков Африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, холодными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разнородных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке Россия имеет своих Диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему Географии, Истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями Христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого не Русского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей: ибо Греция и Рим были народными Державами и просвещеннее России; од-

нако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание Россиян при Донском, падение Новгорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время Междоусобия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы Храбрые, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверский, столь знаменитый великодушною смертию, злополучный, истинно мужественный, Александр Невский; Герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государство Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере не знаю Монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя Самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов, достойный своего счастья и несчастья, странный Ажедимитрий, и за сонмом доблестных Патриотов, Бояр и граждан, наставник трона, Первосвятитель Филарет с Державным сыном, светноосцем во тьме наших государственных бедствий, и Царь Алексей, мудрый отец Императора, коего назвала Великим Европа. Или вся Новая История должна безмолвствовать, или Российская иметь право на внимание.

Знаю, что битвы нашего Удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для Прагматика, ни красотою для живописца; но История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Не будем суеверны в нашем высоком понятии о Деписаниях Древности. Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, что останется? Гольй рассказ о междоусобии Греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дома. Не много разности, если

забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы Трагедии и статуи Фидиясовы. Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика; с жалостию на рассеянные в лесу кости и доспехи Легиона Варова; с ужасом на кровавый пир неистовых Римлян, освещаемых пламенем Капитолия; с омерзением на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканских добродетелей в столице мира: но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой Некролог Римских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета; а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее Половецких набегов. Одним словом, чтение всех Историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием.

Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе Государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной картине и начать обстоятельное повествование с Иоаннова времени или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц, вместо многих книг, трудных для Автора, утомительных для Читателя. Но сии *обозрения*, сии *картины* не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново Введение в Историю Карла V, тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих — тогда знаем Историю. Хвастливость Авторского красноречия и нега Читателей осудят ли на вечное забвение дела и судьбу наших предков? Они страдали, и своими бедствиями изготовили наше величие, а мы не захотим и слушать о том, ни знать, кого они любили, кого обвиняли в своих несчастиях? Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней Истории; но добрые Россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?..

Так я мыслил, и писал об *Игорях*, о *Всеволодах*, как *современник*, смотря на них в тусклое зеркало древней Летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением; и если, вместо живых, целых образов представлял единственно *тени*, в *отрывках*, то не моя вина: я не мог дополнять Летописи!

Есть *три* рода Истории: *первая* современная, например, Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века¹. В *первой* и *второй* блистает ум, воображение Деписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда *творит*, не боясь обличения; скажет: *я так видел, так слышал* — и безмолвная Критика не мешает Читателю наслаждаться прекрасными описаниями. *Третий* род есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали — или справедливая Критика заградит уста легкомысленному Исторiku, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в Летописях, в Архивах. Древние имели право вымышлять *речи* согласно с характером людей, с обстоятельствами: право, неоцененное для истинных дарований, и Ливий, пользуясь им, обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений. Но мы, вопреки мнению Аббата Мабли, не можем ныне витийствовать в Истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее; здоровый вкус уставил неизменные правила и навсегда отлучил Деписание от Поэмы, от цветников красноречия, оставив в удел первому быть верным зеркалом минувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных Героями веков. Самая прекрасная выдуманная речь безобразит Историю, посвященную не славе Писателя, не удовольствию Читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается ис-

¹ Только с Петра Великого начинаются для нас словесные предания: мы слышали от своих отцов и дедов об нем, о Екатерине I, Петре II, Анне, Елисавете многое, чего нет в книгах. — *Здесь и далее примечания Н. М. Карамзина.*

точником удовольствия и пользы. Как Естественная, так и Гражданская История не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*. Но История, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примески, однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях. Тем взыскательнее и строже Критика; тем непозволительнее Историк, для выгод его дарования, обманывать добросовестных Читателей, мыслить и говорить за Героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах. Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится, и малому не давать прав великого. Нет предмета столь бедного, чтобы Искусство уже не могло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом.

Доселе Древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе: вот главное! Знание всех Прав на свете, ученость Немецкая, остроумие Вольтерово, ни самое глубокомыслие Макиавелево в Историке не заменяют таланта изображать действия. Англичане славятся Юмом, Немцы Иоанном Мюллером, и справедливо¹: оба суть достойные совместники Древних, — не подражатели: ибо каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному Бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоём месте!» — есть правило Гения. Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные *апофегмы*, уподобиться Тациту? Не знаю; но сие желание блистать умом, или казаться глубокомысленным, едва ли не противно истинному вкусу. Историк рассуждает только в объяснение дел, там, где мысли его как бы дополняют описание. Заметим, что сии апофегмы бывают для основательных умов или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не

¹ Говорю единственно о тех, которые писали целую Историю народов. Феррерас, Даниель, Масков, Далин, Маллет не равняются с ними двумя Историками; но усердно хваля Мюллера (историка Швейцарии), знатоки не хвалят его Вступления, которое можно назвать Геологическою Поэмою.

имеют большой цены в Истории, где ищем действий и характеров. Искусное повествование есть долг бытописателя, а хорошая отдельная мысль — дар: читатель требует первого и благодарит за второе, когда уже требование его исполнено. Не так ли думал и благоразумный Юм, иногда весьма плодovitый в изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях? Историк, коего мы назвали бы совершеннейшим из Новых, если бы он не излишне чуждался Англии, не излишне хвалился беспристрастием и тем не охладил своего изящного творения! В Фукидиде видим всегда Афинского Грека, в Ливии всегда Римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: мы, *наше* оживляет повествование — и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в Историке, так любовь к отечеству даст его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души.

Обращаясь к труду моему. Не позволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках: искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер Летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то Князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *источая* материалы древнейшей Российской Истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники Поэзии! Взор наш, в созерцании великого пространства, не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не Летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. Счастливы Древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скучает ум, вянет воображение: тягостная жертва, приносимая *достоверности*, однако ж необходимая! Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены Критикою, то мне оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпением. В воле Читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово; малейшая черта древности дает повод к соображениям. С XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее.

Муж ученый и славный, Шлецер сказал, что наша История имеет пять главных периодов; что Россия от 862 года до Святополка должна быть названа *рождающеюся* (*Nascens*), от Ярослава до Моголов *разделенною* (*Divisa*), от Батые до Иоанна *угнетенною* (*Oppressa*), от Иоанна до Петра Великого *победоносною* (*Victrix*), от Петра до Екатерины II *процветающею*. Сия мысль кажется мне более остроумною, нежели основательною. 1) Век Св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не *рождения*. 2) Государство *делилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянию и внешним действиям Рос-

сии надобно означать периоды, то можно ли смешать в один время Великого Князя Дмитрия Александровича и Донского, безмолвное рабство с победою и славою? 4) Век Самозванцев ознаменован более злосчастьем, нежели победою. Гораздо лучше, истиннее, скромнее история наша делится на *Древнейшую* от Рюрика до Иоанна III, на *Среднюю* от Иоанна до Петра, и *Новую* от Петра до Александра. Система Уделов была характером *первой эпохи*, единовластие — *второй*, изменение гражданских обычаев — *третьей*. Впрочем, нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих осьми или девяти Томов, могу по слабости желать хвалы и бояться осуждения; но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолубие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть, сделать Российскую Историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого Самодержавия и Святой Веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815.

СИИ ИСТОЧНИКИ СУТЬ:

I. *Летописи*. Нестор, инок Монастыря Киевопечерского, прозванный *отцом* Российской Истории, жил в XI веке: одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказки; видел памятники, могилы Князей; беседовал с Вельможами, старцами Киевскими, путешественниками, жителями иных областей Российских; читал Византийские Хроники, записки церковные и сделался *первым* Летописцем нашего отечества. *Второй*, именем Василий, жил также в конце XI столетия: употребленный Владимирским Князем Давидом в переговорах с несчастным Васильком, описал нам великодушие последнего и другие современные деяния юго-западной России. Все иные летописцы остались для нас *безыменными*; можно только угадывать, где и когда они жили: например, один в Новгороде, Иерей, посвященный Епископом Нифонтом в 1144 году; другой в Владимире на Клязьме при Всеволоде Великом; третий в Киеве, современник Рюрика II; четвертый в Волынии около 1290 года; пятый тогда же во Пскове. К сожалению, они не сказывали всего, что бывает любопытно для потомства; но, к счастью, не вымышляли, и достовернейшие из Летописцев иноземных согласны с ними.

Сия почти непрерывная цепь Хроник идет до государствения Алексея Михайловича. Некоторые донные еще не изданы или напечатаны весьма неисправно. Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и продолжателей его суть харатейные, *Пушкинский* и *Троцкий*, XIV и XV века. Достойны также замечания *Ипатьевский*, *Хлебниковский*, *Кенигсбергский*, *Ростовский*, *Воскресенский*, *Львовский*, *Архивский*. В каждом из них есть нечто особенное и действительно историческое, внесенное, как надобно думать, современниками или по их запискам. Никоновский более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, но в XIV веке сообщает вероятные дополнительные известия о Тверском Княжении, далее уже сходствует с другими, уступая им однако ж в исправности, — например, *Архивскому*.

II. *Степенная книга*, сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению Митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены *степени*, или поколения государей.

III. Так называемые *Хронографы*, или Всеобщая История по Византийским Летописям, со внесением

**Первый лист «Повести временных лет»
Нестора Летописца**

Радзивилловская летопись

и нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже много подробных современных известий, которых нет в летописях.

IV. *Жития Святых*, в Патерике, в Прологах, в Минеях, в особенных рукописях. Многие из сих Биографий сочинены в новейшие времена; некоторые, однако ж, например, Св. Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в харатейных Прологах; а Патерик сочинен в XIII веке.

V. *Особенные дееписания*: например, сказание о Довмонте Псковском, Александре Невском; современные записки Курбского и Палицына; известия о Псковской осаде в 1581 году, о Митрополите Филиппе, и проч.

VI. *Разряды*, или распределение Воевод и полков: начинаются со времен Иоанна III. Сии рукописные книги не редки.

VII. *Родословная книга*: есть печатная; исправнейшая и полнейшая, писанная в 1660 году, хранится в Синодальной библиотеке.

VIII. Письменные *Каталоги Митрополитов и Епископов*. — Сии два источника не весьма достоверны; надобно их сверять с летописями.

IX. *Послания Святителей к Князьям, Духовенству и мирянам*; важнейшее из оных есть Послание

к Шемяке; но и в других находится много достопамятного.

X. Древние *монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы*: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный.

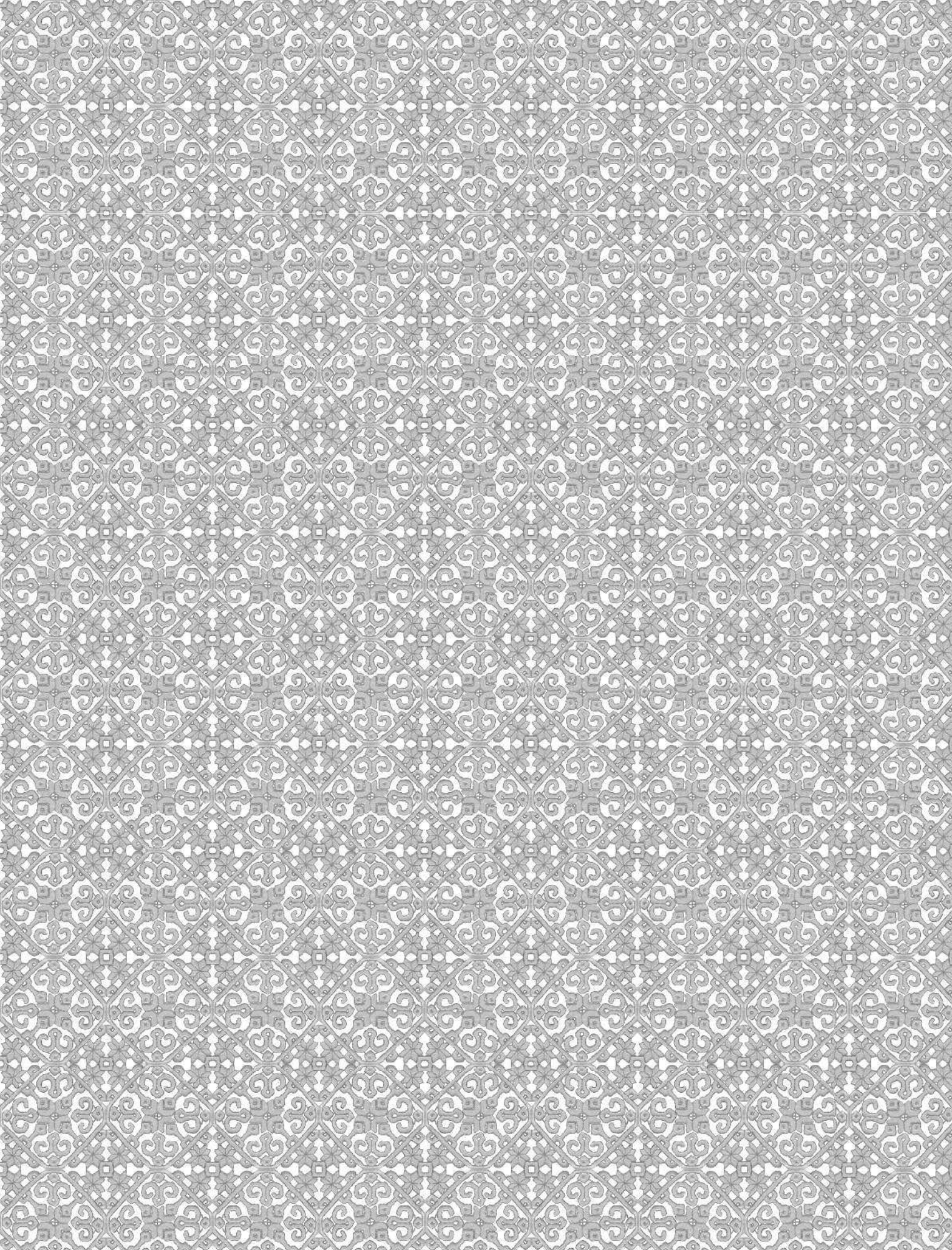
XI. *Грамоты*. Древнейшая из подлинных писана около 1125 года. Архивские Новгородские грамоты и *Душевные записи* Князей начинаются с XIII века; сей источник уже богат, но еще гораздо богачеший есть.

XII. Собрание так называемых *Статейных списков*, или Посольских дел, и грамот в Архиве Иностранной Коллегии с XV века, когда и происшествия и способы для их описания дают Читателю право требовать уже большей удовлетворительности от Историка. — К сей нашей собственности присовокупляются.

XIII. *Иностранные современные летописи*: Византийские, Скандинавские, Немецкие, Венгерские, Польские, вместе с известиями путешественников.

XIV. *Государственные бумаги иностранных Архивов*: всего более пользовался я выписками из Кенигсбергского.

Вот материалы Истории и предмет Исторической Критики!

A decorative border with intricate floral and vine patterns surrounds the text. The border is composed of repeating motifs of flowers, leaves, and scrolling vines, creating a frame for the central content.

Том I

Глава I. О НАРОДАХ, ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХ
В РОССИИ. О СЛАВЯНАХ ВООБЩЕ

Глава II. О СЛАВЯНАХ И ДРУГИХ НАРОДАХ,
СОСТАВИВШИХ ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ

Глава III. О ФИЗИЧЕСКОМ И НРАВСТВЕННОМ
ХАРАКТЕРЕ СЛАВЯН ДРЕВНИХ

Глава IV. РЮРИК, СИНЕУС И ТРУВОР. Г. 862—879

Глава V. ОЛЕГ ПРАВИТЕЛЬ. Г. 879—912

Глава VI. КНЯЗЬ ИГОРЬ. Г. 912—945

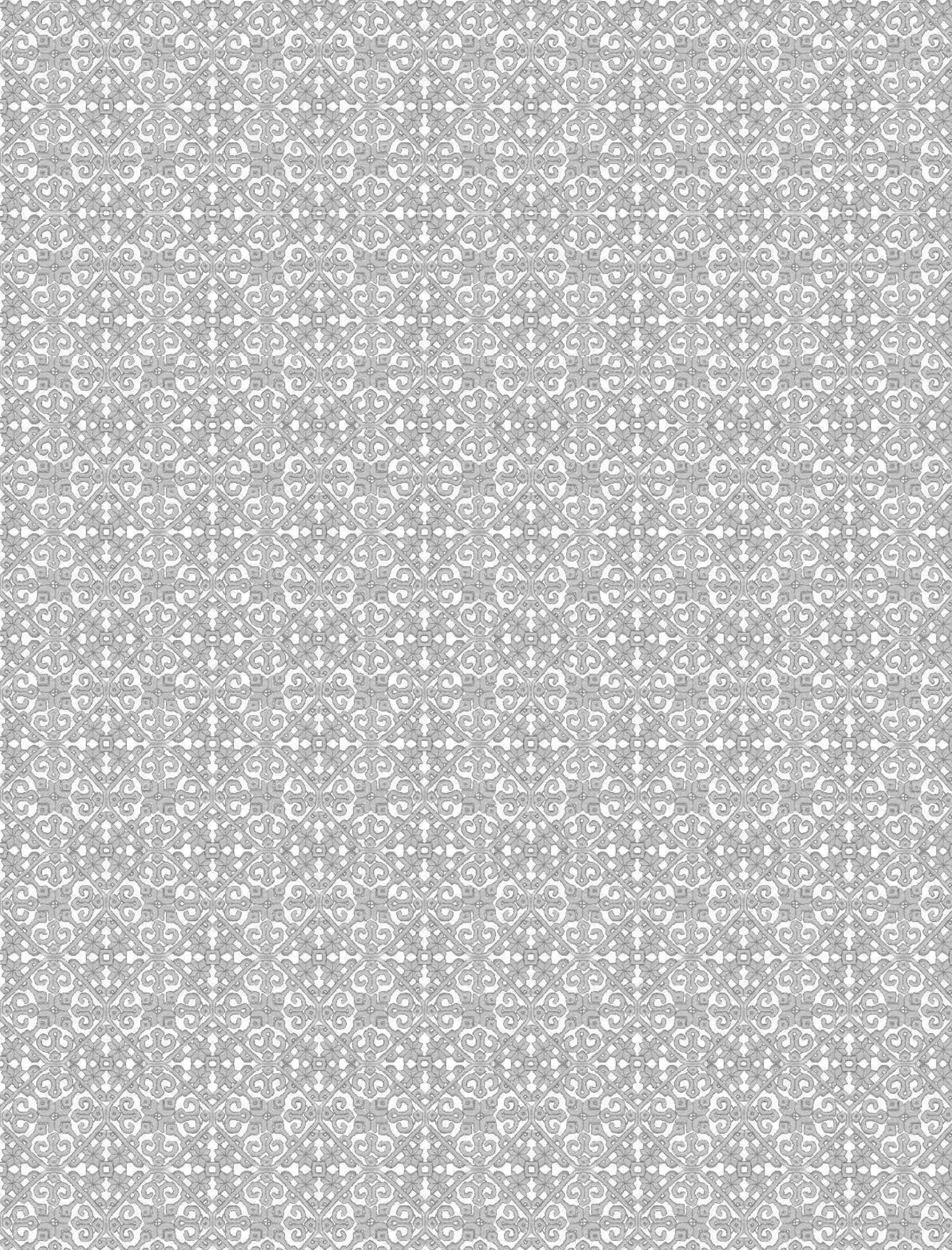
Глава VII. КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ. Г. 945—972

Глава VIII. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛК. Г. 972—980

Глава IX. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР,
НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ.
Г. 980—1014

Глава X. О СОСТОЯНИИ ДРЕВНЕЙ РОССИИ

ДЕСЯТЬ ГЛАВ

ГЛАВА I

О народах, издревле обитавших в России. О славянах вообще

Древние сведения греков о России. Путешествие Аргонавтов. Тавры и киммеряне. Гипербореи. Поселенцы греческие. Ольвия, Пантикапея, Фанагория, Танаис, Херсон. Скифы и другие народы. Темный слух о землях полунощных. Описание Скифии. Реки, известные Грекам. Нравы Скифов: их падение. Митридат, Геты, Сарматы, Алане, Готфы, Венеды, Гунны, Анты, Угры и Болгары. Славяне: их подвиги. Авары, Турки, Огоры. Расселение Славян. Падение Аваров. Болгария. Дальнейшая судьба народов славянских.

Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками. Только в повествованиях греков и римлян сохранились известия о нашем древнем отечестве. Первые весьма рано открыли путь чрез Геллеспонт и Воспор Фракийский в Черное море, если верить славному путешествию Аргонавтов в Колхиду, воспетому будто бы самим Орфеем, участником оною, веков за XII до Рождества Христова. В сем любопытном стихотворении, основанном, по крайней мере, на древнем предании, названы Кавказ (славный баснословными муками несчастного Прометея), река Фазис (ныне Рион), Меотисское или Азовское море,

Воспор, народ каспийский, тавры и киммеряне, обитатели южной России. Певец Одиссеи также именует последних. «Есть народ Киммерийский (говорит он) и город Киммерион, покрытый облаками и туманом: ибо солнце не озаряет сей печальной страны, где беспрестанно царствует глубокая ночь». Столь ложное понятие еще имели современники Гомеровы о странах юго-восточной Европы; но басня о мраках Киммерийских обратилась в поговорку веков, и Черное море, как вероятно, получило оттого свое название. Цветущее воображение греков, любя приятные мечты, изобрело гипербореев, людей совершенно добродетельных, живущих далее на Север от Понта Эвксинского, за горами Рифейскими, в счастливом спокойствии, в странах мирных и веселых, где бури и страсти неизвестны; где смертные питаются соком цветов и росой, блаженствуют несколько